

М. Я. СЮЗЮМОВ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗИЛОТОВ В 1342—1349 гг.

События в Фессалонике в 1342 — 1349 гг. долгое время мало привлекали внимание историков. Обычно их рассматривали как кровавый эпизод в междоусобице после смерти Андроника III, а чаще не упоминали вовсе.

Первым исследователем, который вплотную занялся историей событий в Фессалонике, был ученик Шарля Дилья, румынский историк О. Таффрали¹. Он начал работать над этой темой в условиях, когда, под влиянием революции 1905 г. и усиления активности рабочего класса в капиталистических странах, повысился интерес к народным восстаниям. Таффрали обрисовал события в Фессалонике так модернистски, что, казалось, фессалоникийские зилоты в своей социальной программе почти предвосхищали коммунаров Парижа 1871 г. Согласно Таффрали, восстание в Фессалонике — не эпизод междоусобной войны, а самостоятельное социальное движение городских низов, причем движение в духе многочисленных выступлений демократии в итальянских городах XIV в., особенно генуэзского восстания под руководством Симона Бокканегро.

Большинство последующих историков приняли в основном с некоторыми вариациями концепцию Таффрали. Ее повторил Ш. Диль². П. Я. Яковенко, считая труд Таффрали ценным вкладом в науку, тем не менее отметил, что румынский ученый неправомерно относит партию зилотов к низам³. Ф. И. Успенский поддержал тезис Таффрали о том, что движение в Фессалонике произошло под влиянием итальянских волнений⁴, хотя и не решился признать наличие прямой связи с генуэзским восстанием.

В советской историографии движением в Фессалонике занялся А. К. Бергер⁵, который, фактически примыкая к Таффрали, квалифицировал выступление в Фессалонике как демократическую революцию, проводимую торгово-промышленными кругами экономически передового города. М. В. Левченко в своей «Истории Византии» считал выступление зилотов попыткой создания на территории Византии торгового государ-

¹ О. Таффрали. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913.

² Ch. Diehl. Les journées révolutionnaires byzantines.—«Le Revue de Paris», 1928, 1 nov., № 21.

³ П. Я. Яковенко. Рецензия на труд Таффрали.— ВВ, XXI, ч. 2, 1914, стр. 180—191.

⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 712.

⁵ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в.—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1930, стр. 447—456.

ства по образцу итальянских городов-республик⁶. И в дальнейшем в советской литературе события в Фессалонике связывались с проблемой кризиса феодализма в Византии. Так, согласно Б. Т. Горянову, «это была подлинная борьба двух антагонистических классов поздневизантийского феодального общества, из которых один стремился сохранить за собой свои привилегии, а другой — сбросить иго феодальной эксплуатации»⁷. В основе этой концепции лежало представление о тех широких социальных реформах, которые якобы были проведены зилотами. А. П. Каждан, в отличие от Б. Т. Горянова, акцентировал положение о принадлежности зилотов к состоятельным кругам населения Фессалоники⁸ и совершенно не упоминал о связи их движения с итальянскими городскими восстаниями. Однако в анализе социальных реформ зилотов А. П. Каждан следует также за О. Тафрالي.

Греческий византист Г. Кордатос считает движение зилотов выступлением против феодальных порядков в целом⁹. Г. Острогорский¹⁰ в первых изданиях своего труда называл события в Фессалониках социальной революцией и подчеркивал, что в византийских городах намечалось такое же явление, как и на Западе, — борьба низов против аристократии. Г. Кордатос и Р. Браунинг называли движение в Фессалонике «Фессалоникской коммуной»¹¹, что и отразилось в оглавлении трудов этих историков.

Отмечалось, что события в Фессалонике были звеном в общеевропейском движении 40-х гг. XIV в.¹² Историки задавались вопросом об идеологической стороне восстания, о связи зилотов с борьбой исихастов и варламитов¹³, о вождях движения¹⁴. Во всей литературе не высказывалось сомнений в большом размахе и социальном характере проведенных зилотами реформ.

Однако теория о глубоких преобразованиях, которые стремились провести зилоты, покоилась в основном на отрывках из не изданного в то время трактата Николая Кавасилы: «Слово о тех архонтах, которые незаконно расхищают церковное имущество»¹⁵. Тафрالي привел в своем труде ряд отрывков из трактата и, опираясь на эти тексты, считал основой социаль-

⁶ М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, стр. 246—249.

⁷ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962, стр. 345; см. его же. Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.) — «Известия АН СССР», серия истории и философии, III, 1946.

⁸ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII — XIV вв. М., 1952, стр. 189.

⁹ Г. К. Кордатос Κοινωνία τῆς Θεσσαλονίκης. Ἀθήναι, 1928.

¹⁰ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates München, 1940. Дальнейшие издания этого труда вышли на сербо-хорватском, французском, английском языках. Последнее (третье) издание на немецком языке вышло в Мюнхене в 1963 г., в этом издании оценка событий в Фессалонике подверглась пересмотру (см. G. Ostrogorsky. Geschichte. 3, S. 425, Anm. 1).

¹¹ Р. Браунинг. Комуната на зилотите в Солуни. — ИП, 1950 (VI), № 4/5.

¹² F. Dolger. Politische und geistliche Strömungen in sterbenden Byzanz. — «Jahrb. d. Osterr. byzant. Gesellschaft», II, 1952, S. 9; F. Graus. Die erste Kriese des Feudalismus. — «Zeitsch. f. Geschichtswissenschaft», III, 1955, S. 552—592; R. Guiland. La commune zélate de Thessalonique 1342—1349. — «Actes du Congrès Intern. des Etudes byzantines». Athènes, 1956; G. Ostrogorsky. Geschichte..., 2. Aufl., S. 407f.

¹³ См. особенно Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Фессалонике в 1342—1349 гг. — ВВ, XVII, 1960, стр. 155—202.

¹⁴ P. Lemerle. L'émirat d'Aydin, Byzanz et l'Occident. Recherches sur la Geste d'Umur-Pacha. Paris, 1957, p. 160—162. Наиболее подробная библиография движения зилотов приведена в статье И. Шевченко. I. Ševčenko. The Zealot Revolution and the supposed Genoese Colony in Thessalonica. — «Hellenica», 4 («Προσφορά εις Στάλωνα Π. Κυριακίδη»). Thessalonica, 1953, p. 603, n. 1.

¹⁵ Рукопись Национальной библиотеки в Париже № 1213. На существование этого источника впервые указал греческий филолог К. Сафа (C. Sathas. Documents inédits, IV. Paris, 1874), который стремился определить выступление зилотов как продолжение борьбы в античных городах Греции между аристократией и демократией,

ной политики зилотов конфискацию имущества знати, использование в интересах общества владений и доходов церкви, в частности, монастырей, наложение на богатых контрибуций и поборов ¹⁶.

Совершенно новую обстановку в изучении истории фессалоникских событий создала сенсационная публикация в 1957 г. трактата Николая Кавасилы американским историком Игорем Шевченко ¹⁷.

К величайшему изумлению историков, давно уже ожидавших публикации этого важного источника, обнаружилось, что трактат вовсе не являлся выступлением против фессалоникских революционеров. Это сочинение оказалось обычным в византийской литературе сетованием церковника по поводу использования светскими властями церковных имуществ и против симонии. Таких выступлений было много в разные времена существования Византии. К тому же в трактате нигде нет и намека на то, что «Слово» обращено к зилотам. В трактате нет даже косвенных данных о мятеже, грабежах, насилии со стороны низов.

«Слово» представляет собой диспут между церковником и светскими властями. Церковник обвиняет, а светские власти («архонты») оправдываются. Они стараются доказать, что нет ничего предосудительного, если из монастырских имуществ берется часть для содержания военных сил. Довод церковника: нельзя имущество, посвященное жертвователями богу, употреблять на посторонние цели, так как этим нарушается воля жертвователей. Ответ архонтов: поскольку из монастырского имущества можно черпать средства для ремонта монастыря, для содержания рабов, для оплаты труда земледельца, строителей, хлебопек... то почему же недопустимо тратить средства на содержание солдат, которые защищают свободу и сражаются за святыни ¹⁸.

Если некоторую часть имуществ монастыря можно тратить на прокормление бедных, на содержание священников, на украшение храма, то ведь

¹⁶ O. Ta f r a l i. Op. cit., p. 247 sq. Необходимо отметить, что другие источники вообще не дают материала для признания факта проведения зилотами каких бы то ни было реформ. Главным источником является исторический труд, охватывающий события в Византии с 1320 по 1356 г., написанный эксимператором Иоанном Кантакузином (I o a n n i s C a n t a c u z e n i. Historiarum libri IV, vol. I — III. Воннае, 1828—1832). Кантакузин уделяет большое внимание положению в Фессалонике. При этом он везде представляет фессалоникских деятелей как мятежников, в самом непривлекательном виде; краски Кантакузиным сгущены. Но если говорить о реформах, о которых трактовал Тафрали, то окажется, что Кантакузин вовсе не считал зилотов социальными реформаторами. Он пишет о них мягко и осторожно, не упоминая ни о каких бы то ни было социальных реформах, ни о тех мероприятиях, которые они якобы проводили против монастырей.

Важнейшим источником является и история, написанная знаменитым византийским гуманистом Никифором Григорой (N i c e r p h o r i G r e g o r a e. Historiae, vol. I — III. Воннае, 1829—1835). Он тоже ставил целью дискредитировать движение зилотов, приписывая ему полный беспорядок, хаотическую, беспримерную в истории власть толпы и авантюристов (G r e g., II, p. 674), но о тех реформах, о которых пишет Тафрали, не упоминает и Григора.

Монодия Димитрия Кидониса (P G, t. 109), фессалоникского аристократа-гуманиста, превосходит всех ненавистью к зилотам — он приводит самые ужасные картины расправы зилотов над политическими врагами, хотя сам не был очевидцем событий, так как уехал из города до подавления мятежа Иоанна Апокавка. Но и он в своих письмах ничего не пишет о реформах (D é m é t r i u s C y d o n è s. Correspondance. Vaticano, 1960).

К важнейшим источникам об этом событии нужно отнести также проповеди (гом依ии) митрополита Паламы, которые он произнес после прибытия в Фессалонику (P G, t. 150) и в которых обвинял горожан в безумии, мятеже, убийствах, но и он ничего не говорил о реформах, хотя не мог бы умолчать о них, так как, согласно Тафрали, они были направлены и против монастырей.

¹⁷ N i c o l a s C a b a s i l a s. Anti-Zealot Discourse.— DOP, № 11, 1957 (далее — C a b a s i l a s. Discourse).

¹⁸ ... τί γάρ ἀδικούμεν εἰ καὶ ἁπέρ στέγγην ἰδασθαι καὶ οἰκίαν πίπτουσαν ἀναρθῶσαι καὶ ἀγρῶν καὶ χωρῶν ἐπιμελεσθῆναι, τὸν ἰσὺν τρόπον καὶ τοὺς ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν ἀγωνιζομένους τρέφειν κελεύομεν (C a b a s i l a s. Discourse, 628—30).

в этом и состоит служение богу, и это отнюдь не считается противоречащим воле жертвователей. Подобным же образом надлежит использовать средства и для содержания войска. Здесь безусловно оправдывается секуляризация церковных имуществ в пользу прониаров. Но здесь нет ни слова ни о каких иных реформах. Речь идет об обычных для монастыря хозяйственных делах и показной благотворительности, а именно эти строки и послужили для Тафрали аргументом для обоснования тезиса о широких социальных реформах зилотов.

Публикация текста «Слова» Николая Кавасилы подорвала всю концепцию о социальных реформах фессалоникских зилотов. Можно ли ныне утверждать, что широкая секуляризация, о которой говорится в трактате Кавасилы, относится к зилотам?

Естественно, появились попытки опровергнуть доводы американского издателя «Слова» и доказать, что этот документ является источником именно для истории фессалоникского движения. Однако эти попытки неубедительны: нет никаких оснований отнести «Слово» ко времени господства зилотов в Фессалонике¹⁹.

Наиболее спорной проблемой, связанной со «Словом» Кавасилы, является вопрос о том, действительно ли в то время проводилась секуляризация, которая являлась, согласно Кавасиле, основным беззаконием, совершенным существовавшей в Фессалонике властью, была ли во время гражданской войны политическая возможность производить секуляризацию монастырских и церковных богатств без риска приобрести могущественного врага — монашество и церковь? Все боровшиеся тогда стороны — «Константинопольское правительство и Кантакузин и Стефан Душан стремились привлечь на свою сторону монастыри предоставлением привилегий и пожалований»²⁰. Ни один источник того времени не может подтвердить факта секуляризации, якобы проведенной в Фессалонике, хотя Кантакузин, писавший о кощунстве некоторых зилотов, естественно

¹⁹ Э. Вернер (Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Стр. 156—157, прим. 9) стремился показать, что Шевченко не удалось умалить значения этого источника. Вернер правильно заметил, что если Шевченко признает, что источник может относиться к Алексею Апокавку или патриарху Иоанну Калеке, то тем самым он может относиться и к зилотам, поскольку они составляли один лагерь. Но, приводя доводы в доказательство, что «Слово» направлено против зилотов, Э. Вернер ограничивается указанием на знатное происхождение Кавасилы, который, следовательно, должен быть враждебен зилотам. «Семья Кавасилы, — пишет немецкий историк, — конечно, пострадала от зилотов, если вообще не была изгнана из города... Кавасила «постоянно говорит о митрополите, никогда о патриархе» (там же, стр. 156, прим. 9). В условиях революционной ситуации «секуляризация» могла бы стать «революционной мерой» (там же, стр. 157, прим. 9). Э. Вернер не замечает противоречия: мог ли Кавасила после массовых убийств знати в Фессалонике ничем не намеркнута на насилия и террор зилотов, объясняя все лишь «законными мероприятиями»? Чувствуя эти противоречия, В. Грохова (Прага) в своей рецензии на «Discourse» И. Шевченко (BS, XXI, 1, 1960, p. 91) считает, что трактат Кавасилы относится к зилотам более раннего периода, когда они еще стояли на позициях правительственной партии. Но и ее доводы не дают оснований отнести «Слово» ко времени выступления зилотов. Б. Т. Горянов в своей монографии «Поздневизантийский феодализм» (стр. 310—314) тоже связывает «Слово» с зилотами, но не прибавляет никаких новых доводов. Между тем даже при беглом ознакомлении с источником кажется странным, что в «Слове», если оно действительно относится к событиям в Фессалонике, абсолютно отсутствует колорит острой социальной борьбы. Поражает, что между обвинениями Кавасилы и обвинениями, которые бросил фессалоникийцам по приезду в город в качестве митрополита Палама, нет ничего общего. Трудно, наконец, представить, чтобы Кавасила — молодой великолепно образованный аристократ, которому во время событий в Фессалонике было не больше 22—26 лет и который не был ни монахом, ни даже клириком, мог выступать тогда с такой узко-монастырской позиции, что вполне было бы понятно только в более поздний период его жизни. Ответ И. Шевченко на появившиеся рецензии опубликован в 1962 г. (I. Se v č e n k o. A Postscriptum on Nicolas Cavasilas Anti-Zealot Discourse. — DOP, 16, 1962, p. 403—408).

²⁰ М. А. П о л я к о в с к а я. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 203—205.

не преминул бы привести и обвинение о грабеже святых обителей. Секуляризация церковных имуществ со времени Алексея I Комнина не проводилась в Византии, несмотря на ряд острых столкновений государства и церкви за истекшее после этого время. Только при Андронике II и патриархе Анастасии под угрозой турецкого наступления была достигнута договоренность о передаче военным ряда монастырских владений в Малой Азии. Секуляризацию не успели провести. Вплоть до второй половины XIV в. мы уже не встречаем сведений о секуляризации, как о мероприятии государственной политики, хотя и встречаются отдельные факты захвата монастырских земель в пользу прониаров ²¹.

Остро встал вопрос о секуляризации в 60-х гг. XIV в., когда Византия стояла перед лицом вторгшихся на Балканский полуостров турок. От 1367 г. сохранилась переписка Иоанна V с патриархом Филофеем по вопросу о секуляризации. Патриарх в синодальном постановлении хотя и считал противоканоническим поступок императора, но не протестовал резко, полагая, что император имеет власть поступать так, как он того хочет ²². В 1371 г. после битвы у Марицы правительство Византии осуществило широкую передачу монастырских земель прониарам ²³.

Для вопроса о хронологии «Слова» Кавасилы представляют особую важность сообщения о секуляризации монастырских имуществ в Фессалонике в начале 80-х гг. XIV в., когда фессалоникский митрополит Исидор (1380—1384 и 1386—1396) выступил с резким протестом против секуляризации, проводимой Мануилом II во время его управления Фессалоникой ²⁴.

Основным недостатком концепции Тафрали, как буржуазного исследователя, было сведение всей борьбы к противоречиям, проистекавшим от имущественного неравенства, к борьбе между бедными и богатыми. Создавалась упрощенная схема: борьба низов против верхов. В известной мере эта схема в ином облики свойственна и марксистской историографии. События 1342—1349 гг. в Фессалонике трактуются только как борьба антагонистических классов, причем почти полностью игнорируется борьба разных прослоек господствующего класса, которую они вели между собой в специфических условиях переживаемого тогда Византией этапа феодального развития. Р. Браунинг и Э. Вернер считают особо замечательным то обстоятельство, что коммуна зилотов будто бы отражала более высокую форму социальных противоречий. Она якобы перешагнула рамки внутригородской борьбы за конституцию и превратилась в революционное движение, не останавливаясь перед глубокими преобразованиями ²⁵. Б. Т. Горянов, сохраняя все основные положения Тафрали о городских реформах зилотов, тем не менее утверждает, что «восстание зилотов не было городским движением, а скорее напоминает тип крестьянской войны, наподобие восстания Ивайла в средневековой феодальной Болгарии» ²⁶. Иначе говоря, отвлекаясь полностью от анализа борьбы Апокавка и Кантакузина, Б. Т. Горянов расценивает события

²¹ G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 155; A. Soloviev — V. Mošin. Grčke povelje Srpskich vladara. Beograd, 1936, № 21. (Согласно этому источнику, Стефан Душан возвращал монастырю землю, захваченную не зилотами, а сторонниками Кантакузина.)

²² MM, I, p. 507—514.

²³ G. Ostrogorsky. Pour l'histoire..., p. 161.

²⁴ См. G. T. Dennis. The Reign of Manuel II Paleologus in Thessalonica (1382—1387). — «Orientalia Christiana Analecta», 150. Roma, 1960, p. 89, n. 25. Опираясь на приведенные Деннисом материалы о секуляризации в Фессалонике при Мануиле II, И. Шевченко в своей ответной статье (I. Ševčenko. A Postscriptum..., p. 403—408) считает наиболее вероятным датировать трактат Кавасилы второй половиной XIV в. (год смерти Кавасилы неизвестен, но он умер не ранее 1371 и не позднее 1391 г.).

²⁵ Э. Вернер. Указ. соч., стр. 93; Р. Браунинг. Указ. соч., стр. 524.

²⁶ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 339.

1342—1349 гг. только с точки зрения антагонистических противоречий, присущих феодальному строю в целом.

Антагонистические противоречия не могут быть отделены от данного способа производства; они являются, безусловно, *конечной* причиной всякого развития общественного бытия, поскольку народ — создатель материальных и духовных благ, подлинный творец истории. В конечном счете все крупные движения являлись результатом социальных противоречий; борьба антагонистических классов является основным фоном, на котором разворачиваются противоречия и внутри господствующего класса. Все средневековые представляет собой борьбу масс против эксплуататоров, цеплявшихся за собственность на землю, за влияние на правительство суверенного государства и за частную власть над трудящимся населением своих владений.

Признавая все это, мы не можем тем не менее объяснить всю сложность процессов, происходивших в феодальном мире, прямо и непосредственно наличием антагонистических противоречий.

Для анализа тех или иных исторических процессов, для установления движущих сил в определенных исторических событиях нельзя смешивать, какие противоречия являлись их *конечными*, а какие *конкретными* причинами на данном этапе. Иначе мы не могли бы понять характер и направление развития событий на каждом историческом отрезке времени, иначе мы дали бы упрощенную и совершенно неверную картину общественных явлений в данных конкретных условиях. Нельзя отрывать борьбу масс от той политической, идеологической, экономической борьбы, которая происходила тогда в обществе. Те историки, которые изображают события в Фессалонике, прослеживая исключительно лишь перипетии борьбы антагонистических классов, фактически модернизируют историю, поскольку прямое и непосредственное проявление антагонистических противоречий свойственно только эпохе капитализма, которая упростила классовые противоречия, расколола общество на два больших лагеря. «Все до сих пор происходившие движения, — сказано в Коммунистическом манифесте, — были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства»²⁷. Даже массовые крестьянские выступления, которые казались образцом прямого действия антагонистических противоречий, нуждались в руководстве со стороны «меньшинства» и имели прогрессивное значение только в том случае, если направлялись в интересах носителей новых, исторически прогрессивных производственных отношений.

Если в любом случае сводить основные причины и цели выступлений масс только к борьбе антагонистических классов, то всякое движение, каков бы ни был его конкретно исторический характер, может быть представлено как социальная революция. Именно поэтому некоторые историки квалифицируют события в Фессалонике как социальную революцию, причем более прогрессивную, чем события в итальянских городах, где в то время уже созревали определенные раннекапиталистические элементы и формировался класс буржуазии. Именно поэтому события гражданской войны 1342—1349 гг. представляются Б. Т. Горянову как движение, в которое «были втянуты *только* (курсив мой. — М. С.) народные массы, штурмовавшие не расшатанные еще твердыни византийского феодального общества»²⁸.

Говорить о борьбе против феодальной системы в целом можно было бы лишь в связи с буржуазной революцией, которая явилась бы следствием общего кризиса феодализма. Что касается Византии, то там не было

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 435.

²⁸ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 389.

не только общего кризиса феодальной системы в XIV в., но и сколько-нибудь сильных элементов капиталистического уклада.

В Византии не развились самостоятельные городские государства, подобно тому, как это имело место в Италии. Для дальнейшего развития экономики Византии необходим был переход к новой структуре феодального строя. Но переход от феодальной раздробленности к этапу консолидации национального государства в империи был особенно труден. С одной стороны, в Византии, в центральной Греции, еще господствовали латинские феодалы, которые не имели никаких связей с византийским центральным правительством; был независим Трапезунд; с другой стороны — светские феодалы и монастыри Фракии и византийской Македонии имели огромную власть над населением и в силу иммунитетов были мало связаны с административной системой государства. Даже когда они были формально лояльны центральному правительству, они не оказывали ему фактической помощи. Центральная власть была бессильной.

Правда, в Византии существовала традиционная система податного обложения, периодически производились переписи-ревизии, но налоги, тяжким гнетом лежавшие на населении, не могли в силу иммунитетных прав крупных динатов и монастырей дать значительных средств центральному правительству. Византия фактически не имела возможности содержать регулярную армию и флот и вынуждена была сохранять систему проний, а во время войны прибегать к использованию турецких наемников.

Весьма важно учитывать то обстоятельство, что византийские феодалы жили в городах, что их опорными пунктами были именно города, в которых они имели огромную власть.

Итальянское засилье, вызванное еще политикой Комнинов и Ангелов и латинским завоеванием, превратило Византию из страны, вывозящей предметы высокой культуры, в страну, вывозящую продукты сельского хозяйства. Даже самая оживленная торговля этого вида приносила доходы в первую очередь крупному землевладению и укрепляла в сущности феодальную раздробленность. Не всякое развитие товарных отношений является явлением, способствующим переходу данной страны к капитализму. Создавшееся в Византии положение стимулировало развитие капиталистических отношений в Италии на базе доходов от эксплуатации Византии, но в то же время оно содействовало политической стагнации византийского общества, поскольку крупному землевладельческому классу было выгодно сохранение такой ситуации в торговле империи. Именно поэтому прогрессивным для Византии было бы экономическое и политическое ослабление крупной землевладельческой знати и того феодального патрициата, который держал в руках византийские города. Только при решении этой задачи рост товарных отношений мог бы способствовать развитию элементов капитализма в Византии. В конкретных условиях того времени отнюдь не всякие объединительные процессы могли вывести Византию из плачевного состояния: политические реминисценции из истории некогда объединенной и могущественной Византии, естественно, делали популярной идею объединения страны²⁹. Однако необходимо

---

²⁹ Во второй четверти XIV в. в Византии уже проявилась определенная тенденция к объединению, к ликвидации «внешней» феодальной раздробленности. При Андронике III в этом направлении были достигнуты определенные успехи: Эпир был включен в состав Империи. Насколько популярно было стремление к государственному объединению, видно из того, что когда Никифор, молодой наследник свергнутой Эпирской династии, пытался восстать против Византии, он не нашел поддержки в Эпире, и его предприятие скоро бесславно провалилось.

Была присоединена и Фессалия. Но могущество феодалов — крупных землевладельцев и проиаров внутри самой Византии снижало значение успехов. Во время гражданских войн крупные византийские сеньоры, опираясь на своих вассалов, проводили свою политику, переходили с одной стороны на другую. Так, крупный сеньор

было такое объединение, которое подрывало бы мощь феодальной знати и сопровождалась бы политическим и экономическим усилением городского сословия.

Другими словами, Византия нуждалась в проведении политики, направленной на преодоление политической и экономической силы феодалов, которую проводили, например, Людовик XI и Иван Грозный, Йорки и первый Тюдор.

Но можем ли мы установить, что во время гражданской войны после смерти Андроника III правительством Анны Савойской, Алексея Апокавка и патриарха Иоанна Калеки действительно велась политика ущемления феодальной знати?

Обратимся к источникам. Кантакузин так объясняет политику Апокавка: «Сознавая, что власть его ненавистна благородным (εὐγενεστέροις) и что они могут подготовить против него заговор, он решил всех их уничтожить, считая, что если останутся только люди низкого происхождения (φαυλὴς τύχης), то они будут охотнее повиноваться ему, и потому в первую очередь решил уничтожить близких Кантакузину лиц, которых он боялся как очень богатых и влиятельных. Затем он (Апокавк) взялся по очереди за других — никого не щадил, соблюдая при этом форму, будто бы это происходит по воле императрицы или по решению синклита, или — особенно — по требованию патриарха, но на самом деле он действовал по личной воле»³⁰. Кантакузин писал Апокавку о терроре, проводимом в отношении к феодальной знати: «...ты покрываешь кровью города. Тюрьмы, хотя ты и строишь их в большом количестве, не могут вместить всех арестованных тобою»³¹.

Даже принимая в расчет те преувеличения, которые допускает Кантакузин, ясно, что он выражал мнение феодальной знати, которая полагала, что Апокавк желает уничтожить влияние «благородных». И знать поэтому начала яростную борьбу против Апокавка.

Такое представление о целях политики правительства Палеологов проникло и в массы, которые из ненависти к феодалам стали поддерживать Апокавка; этим и объясняется лояльность масс и Палеологам. К тому же, как пишет Григора, константинопольское правительство рассылало по провинциям «кипы посланий» с целью настроить низы против знати³².

Борьба Апокавка и Кантакузина была, конечно, не борьбой за власть двух честолюбивых магнатов — это была борьба двух прослоек эксплуататоров, представителей двух форм эксплуатации. Лучше всего это показать на фигурах главных действующих лиц византийской трагедии 1342—1349 гг. Кантакузин был представителем старинной родовой землевладельческой знати. Род Кантакузинов стал играть крупную роль уже в XII в. со времени правления Комнинов и в XIV в. был настолько богат, что мог на свои средства содержать войско для походов, имея в своем подчинении не только поместья, но и отдельные укрепленные города. Владения такого рода представляли собою подлинное государство в государстве; политическое влияние Кантакузинов особенно выросло во время междоусобных войн в XIV в. Естественно, подобные Кантакузину магнаты были сторонниками феодальной монархии, в которой феодалы формально объединены вокруг императора, но сохраняют свои иммунитетные права и власть над местным населением, т. е. и политически и экономически господствуют.

Сиргиан перешел на сторону сербского царя Стефана Душана, поставив под удар значение всех мероприятий Андроника III и Кантакузина.

³⁰ Cantac., II, p. 219.

³¹ Ibid., p. 279—280.

³² Greg., II, p. 614: φακέλλους γραμμάτων διάπεμπον... δημοτικὸν ἐρσθίζοντα κατὰ τῶν πλουσίων, καὶ τὴν βασιλεὺς ὄχλον κατὰ τῶν δόξῃ καὶ γένει προύχόντων.

Фессалоника, как и все прочие города поздней Византии, была в руках феодальной знати, группировавшейся вокруг городского синклита; трудно было незнатному, хотя и богатому, лицу войти в этот круг высшей местной знати³³. Всего в Фессалонике насчитывалось не более 60 таких знатных фамилий³⁴. Но эти магнаты были окружены своими сторонниками. Когда Синадин был изгнан, за ним последовала тысяча его сторонников³⁵.

Совсем другую прослойку знати представлял Апокавк. Это выходец из незнатной семьи. Он проявил себя как ловкий делец по сбору налогов, потом добился управления государственными солеварнями³⁶. Он был тесно связан с морскими кругами.

По-видимому, Апокавк за время управления государственной монополией на добычу и торговлю солью сильно разбогател. При Андронике III он стал ἐπὶ τῇ διοικήσει τῶν πραγμάτων — управляющим всеми финансовыми делами³⁷. Турецкие пираты захватили в то время ряд островов и наносили крупный ущерб византийской морской торговле. Удовлетворяя требованиям морских торговых кругов, Апокавк попросил правительство Андроника III, чтобы его поставили главнокомандующим флотом против турок. Он обещал на свои деньги снарядить флот³⁸.

Эти действия Апокавка вызвали широкие симпатии среди торговых кругов и моряков. Апокавк одержал у о. Хиоса победу³⁹, но император, пишет Кантакузин, негодовал, что народ считал это событие патриотической заслугой лично Апокавка (следует, впрочем, думать, что не император, а сам Кантакузин стал бояться популярности Апокавка).

Для успешного решения внешнеполитических проблем в связи с завоеваниями турок важно было ликвидировать феодальную раздробленность. И в среде господствующего класса выделилась прослойка знати, которой была невыгодна внутренняя феодальная раздробленность. Началась гражданская война.

Совершенно понятно, почему Фессалоника стала опорным центром политики Апокавка: именно этот город сохранил относительную самостоятельность в морской торговле, тогда как Константинополь как торговый центр все выгоды своего положения уступил Галате; проникновение итальянского торгового капитала в экономику Константинополя было значительно глубже, чем в Фессалонике.

³³ G r e g., II, p. 741.

³⁴ Ibid., p. 608.

³⁵ S a n t a c., II, p. 233. После бегства тысячи сторонников Синадина последовало массовое замещение административно-финансовых должностей представителями местного городского населения. Это свидетельствует о том, что среди сторонников Кантакузина было чиновничество. Мы полагаем, что неправ Э. Франчес, который объяснял легитимизм зилотов отчасти интересами чиновной знати, группировавшейся вокруг Палеологов (Э. Ф р а н ч е с. Византиноведение в Румынии в 1956—1961 гг.— ВВ, XXII, 1963, стр. 118). Провинциальное чиновничество было в руках местной знати, занимавшей все крупные государственные должности.

³⁶ S a n t a c., I, p. 25: τῶν δημοσίων γὰρ ἁλῶν τότε διάθεσιν ἐποιεῖτο...

³⁷ Ibid., p. 339.

³⁸ Ibid., p. 537, 538—540.

³⁹ В глазах турок именно Апокавк был их главным врагом. В «Деяниях Умур-пашы» само выступление Апокавка против Кантакузина объясняется враждебным отношением к туркам: «вельможи собрались и стали совещаться: правление перешло в руки доместика (т. е. Кантакузина), всеобщим согласием они признали его власть и подчинялись всему, что он приказывал. Но в Фессалонике паракимомен (т. е. Апокавк — он тогда имел это звание) не подчинился, его союзником был папа, и он (Апокавк) сказал народу: «Эти люди предали Филадельфию туркам... И замешательство стало царить в стране...» (Le Destan d'Umur Pacha par frère Mélikoff-Sayar. Paris, 1957, p. 93). П. Лемерль, однако, считает, что в данном тексте речь идет не об Апокавке, а о Михаиле Палеологе и что вместо «пашы» следует читать «патриарх» (P. L e m e r l e. L'émirat d'Aydin, Byzance et Occident. Paris, 1957, p. 160, n. 3).

Помимо торгово-ремесленных кругов на стороне Апокавка оказались и некоторые прослойки знати. В ликвидации феодальной раздробленности были заинтересованы все те феодалы, которые были связаны с централизованной формой эксплуатации. Эта форма эксплуатации в свою очередь в условиях XIV в. была связана с ростом городов. Именно эта прослойка знати и выступала против тех феодалов, которые считали основной сеньориально-вотчинную форму эксплуатации зависимого населения и удовлетворялись той экономической ролью Византии, которую она играла как *Hinterland* Италии.

Давая характеристику выступлению населения Фессалоники, Адрианополя и др. городов в пользу династии Палеологов, следует помнить о высказывании Ф. Энгельса (имевшего в виду главным образом союз горожан с королевской властью во Франции XIII—XIV вв.): «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»⁴⁰.

На некоторое время, в правление Алексея Апокавка и патриарха Иоанна Калеки, византийское правительство вступило в союз с прогрессивными элементами византийских крупных городов. Именно этим, а не монархическими чувствами населения можно объяснить поддержку, которая была оказана населением городов династии Палеологов.

Именно в попытке перехода Византии от феодальной раздробленности к централизованной национальной монархии позднефеодального типа и кроются глубокие причины и гражданской войны 1342—1349 гг., и выступление зилотов в Фессалонике.

В литературе преобладает мнение о чисто городском характере выступления зилотов, которые будто бы стремились к самостоятельности Фессалоники. Безусловно, пример могущества итальянских городов мог иметь значение в идеологии и политических устремлениях горожан. На интеллигенцию могла оказывать влияние и античная литература (образцы «политий» античных эллинских полисов). Это проявилось, в частности, у Фомы Магистра в его «Политии»⁴¹. Но нужно иметь в виду, что тот же Фома Магистр писал и о власти императора.

Принципиальное отличие событий в Фессалонике от итальянских городских восстаний нужно искать не в антагонистических противоречиях (и в Византии, и в Италии во время всех выступлений беднота громила дома богатых)⁴².

Основной особенностью итальянских городских восстаний было то обстоятельство, что они были совершенно самостоятельными, городскими, не связанными с каким бы то ни было центральным правительством и не имевшими ни традиций, ни целей объединения Италии⁴³. Так было в восстаниях в Генуе, во Флоренции, в Сиене и т. д. События в Фессалонике 1342—1349 гг. по общей обстановке можно сравнивать разве только с вы-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

⁴¹ PG., t. 145.

⁴² В последнее время в зарубежной историографии появилась тенденция изображать Апокавка сторонником «пополо минуто», а Кантакузина — сторонником «пополо грассо» (Н. W. Haussig. *Kulturgeschichte von Byzanz*. Stuttgart, 1959, S. 490). Но это перенесение обстановки итальянского города на всю Византию неправомерно. Скорее Апокавка можно причислить к «пополо грассо», чем Кантакузина, который был руководителем не «жирного народа», а феодалов-иммунистов.

⁴³ Всякое непосредственное влияние городских восстаний итальянских городов на события в Фессалонии отвергается В. Гроховой (V. G h r o c h o w a. *La Révolte des zélotes à Salonique et les communes italiennes*.—BS, XXII, 1961, p. 1—15). И. Шевченко опроверг положение Тафрала о том, что ко времени гражданской войны в Фессалонике были генуэзские колонии (I. Š e v č e n k o. *The Zealot Revolution...*, p. 603—617).

ступлением римлян под руководством Кола ди Риенцо почти одновременно с зилотами в 1347 г. Как Фессалоника была связана с центральным правительством, так и Рим того времени был связан с папой. В Фессалонике представителями правительства были Иоанн Апокавк, потом Метохит; в Риме вместе с «любезнейшим сыном Николаем» (т. е. Кола ди Риенцо) во главе города был «почтеннейший брат Раймонд» (назначенный папой епископ). Как Кола ди Риенцо был охвачен идеей величия древней Римской империи и стремился к объединению итальянских городов, так и в Фессалонике под показным легитимизмом сохранялась идея величия Византии. Именно в Фессалонике связанный с зилотами Константин Арменопул в разгар движения (в 1345 г.) обнародовал свое «Шестикнижие» — руководство для судей, где не было никаких намеков на раздробленность, где Византия представлялась централизованной бюрократической монархией с гражданским правом, характерным для общества, в котором господствует товарное производство и обращение.

Острота и продолжительность событий в Фессалонике превосходили волнения в Риме, поскольку зилоты выступили во время гражданской войны, тогда как во время восстания Кола ди Риенцо никакой гражданской войны в Италии не было.

Обратимся к настроениям народных низов в византийских городах. Основной силой в движении зилотов было трудящееся население города. В Фессалонике оно в критические моменты истории города собиралось на народное собрание. В случае опасности, по сообщению Фомы Магистра, все население города вооружалось и шло на защиту городских стен⁴⁴. Это была реальная сила. От ее настроений зависели подъем или спад движения. Когда в Адрианополь пришло письмо с извещением о вступлении на престол Кантакузина, местный патрициат и динаты приняли известие восторженно, но когда они стали читать воззвание на *народном собрании*, то простые люди выступили против Кантакузина и взялись за оружие. К исходу ночи они стали нападать на дома знатных сторонников Кантакузина. Дома разрушались до основания, было организовано управление городом, осуществлявшееся сторонниками Палеологов. Сторонников Кантакузина массами отправляли на расправу в Константинополь⁴⁵. Движение распространилось и на другие города. Безусловно, почувствовав за собой силу, Апокавк в столице и прогрессивные слои горожан стали во главе этого движения. Однако без выступления угнетенной бедноты против богатой прослойки и феодальных вельмож вряд ли мог Апокавк сколько-нибудь успешно бороться с могущественным и богатым магнатом, прекрасным полководцем и ловким дипломатом Кантакузином. Без героического сопротивления народных масс Фессалоники превосходящим силам Кантакузина, турок и сербов вряд ли могло правительство Анны Савойской продержаться в течение пяти лет.

Народные массы Фессалоники были движущей (хотя и не руководящей) силой движения; не имея собственной программы, они из ненависти к одной группировке угнетателей поддерживали другую. Общее руководство гражданской войной принадлежало прогрессивной прослойке эксплуататоров.

Быстрое нарастание социальных противоречий в Византии в XIV в. легко объяснимо. После потери Малой Азии источники доходов Византийского государства и феодальной знати значительно сократились. Это привело, с одной стороны, к стремлению повысить налоговое обложение, с другой стороны — к отчаянной борьбе между феодалами за землю, за пронию. И то и другое губительно отразилось на условиях жизни низов общества. К тому же засилье итальянцев, вытеснение греков из сферы

⁴⁴ PG, t. 145, col. 509.

⁴⁵ Cantac., II, p. 179.

морской торговли, усиливали брожение среди трудового населения горожан.

Народные массы были озлоблены. В 1960 г. И. Шевченко опубликовал интересный документ, свидетельствующий о настроениях широких масс в середине XIV в., — сочинение Алексея Макремволита «Диалог между богатыми и бедными»⁴⁶.

Социальные взгляды Алексея Макремволита весьма радикальны. Сетую на имущественное неравенство, он высказывал утопические проекты ликвидации частной собственности вообще. Он писал, что если все: воздух, свет, пользование огнем и водой — является для нас по велению бога общим, то ясно, что и земля и все то, что из нее добывается, должно быть также общим. Но алчность и тирания присвоили себе большую часть этих благ. Говоря это, Макремволит имел в виду, конечно, основу феодальной эксплуатации — собственность на землю. Употребляя по отношению к угнетателям термин *καταδυναστεύοντες* («насильники»), Макремволит выражал протест против права владельца на личность бедняка⁴⁷.

«Диалог бедных и богатых» Макремволит писал во время гражданской войны в Константинополе в 1343—1344 гг. Взгляды его стали более конкретными: он имел в виду факты выступлений бедноты в Константинополе и в Фессалонике. Хотя диалог у Макремволита происходит между бедными и богатыми, в виду имеется не просто имущественное неравенство. Под беднотой Макремволит подразумевал трудящихся, противопоставляя их праздным людям. «Из нас, — говорили бедные, — имеются и те, кто обрабатывает землю и строят дома и корабли, ремесленники (*χειρεπιστήμονες*), которыми держатся города..., а из вас — азартные игроки и сибариты, в своей алчности использующие общественные бедствия, вызывающие смуты в городах и увеличивающие общую нужду»⁴⁸.

Но и «богатые», согласно Макремволиту, отнюдь не считали себя виновниками социальных бед; они называли себя только «средней» прослойкой. Именно от высших прослоек все те беды, — говорили они, — о которых твердят бедные!»⁴⁹.

«Богатый» трактата Макремволита, очевидно, не имеет ничего общего с классом феодалов — это предприниматель. Он отмежевывается от бездельников, играющих в азартные игры, и от изнеженных сибаритов⁵⁰. Как предприниматель, он считает, что бедность зависит от природы вещей: бедный является бедным потому, что ленив⁵¹. Иначе говоря, приводится тот же довод, которым пользуются бизнесмены еще в настоящее время.

Диалог дает представление о противоречиях между трудящимся населением и новым предпринимательским классом. Бедные говорили: «Мы много трудимся и мало получаем за это, а вы получаете большую выгоду,

⁴⁶ I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». — ЗРВИ, № 6, 1960, стр. 187—228. Алексей Макремволит известен по его литературным выступлениям в середине XIV в. Он называл себя человеком простым, частным лицом (*ἄπλοκος καὶ ἰδιώτης*) и, видимо, не принадлежал ни к духовенству, ни к сановникам. Он состоял на службе у некоего Патрикиота, который руководил при Кантакузине ведомством по распределению проний между его сторонниками. В качестве землемера Макремволит разъезжал по поместьям. Сохранились его небольшие труды (по большей части неопубликованные). Помимо богословских трактатов (критика иудейской и мусульманской религий), он писал о несчастьях своего времени, о землетрясениях, чуме и в особенности об ужасах гражданских войн. Он рассуждал о причинах побед турок, в падении купола храма св. Софии видел предзнаменование гибели империи и конца света и т. п.

⁴⁷ «Слово о справедливости бога» (I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 199, n. 75. Ср. Greg., II, p. 863).

⁴⁸ I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 210. 7—13.

⁴⁹ Ibid., p. 210 17—20.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid., p. 212.30.

хотя труд ваш вовсе не обременителен»⁵². Интересен лозунг бедных: «Дайте нам наше!» «Мы не просим, но требуем возвращения нашего!» (Δότε τοῖνον ἡμῖν τὰ ἡμέτερα· ταῦτ' οὐκ αἰτοῦντες, ἀλλ' ἀπαίτοῦντες ὑμᾶς τὰ ἡμέτερα)⁵³.

На первый взгляд, Макремволит поднимает проблему эксплуатации человека человеком, разрешить которую может только социалистическая революция. Но Макремволит, очевидно, понимал всю безнадежность своих требований. Он не делал никаких выводов, не требовал изменения существующих социальных отношений, а призывал только к выполнению заветов христианской морали и справедливости. «Мы,— говорили бедные,— не даром получаем от вас, богатых, благодеяния — ведь мы со своей стороны вам воссылаем моления, восхваления, почтение, прославления, проявляем самоунижение, преклоняемся перед вами, как перед богом»⁵⁴.

Как видно, у Макремволита нет стремления нарушить существующий строй, нет стремления к равенству — низы даже не против особого почтения к господствующему классу. Они лишь требуют более справедливого распределения благ. В качестве конкретной меры, могущей смягчить противоречия, Макремволит предлагает смешанные браки между бедными и богатыми⁵⁵.

Диалог показывает остроту противоречий в византийском обществе, но в то же время — отсутствие возможностей их преодоления. В обычное время угнетенное население терпеливо сносит свое положение, находясь во власти санкционирующей гнет господствующей идеологии («На этом свете бедность неизбежна!» — ἀναγκαῖα τῇ τοῦ κόσμου συστάσει ἡ ἐνδεα...⁵⁶). Но положение меняется, когда между различными прослойками господствующего класса начинается борьба. Тогда трудящаяся масса всей силой своей ненависти к эксплуататорам становится на сторону прогрессивной прослойки, поскольку эта прослойка выражает действие объективной закономерности в развитии общественного строя. Так было в начале гражданской войны, когда трудовое население Фессалоники присоединилось к лагерю, возглавляемому Апокавком и торгово-предпринимательскими кругами, несмотря на то, что трудовые массы, судя по диалогу Макремволита, чувствовали ненависть не только к феодальным вельможам, но и вообще ко всякой эксплуатации и неравенству.

Кантакузин не смешивает зилотов с народными массами. Наоборот, он склонен ясно различать обе стороны. Он не проявляет особой ненависти в вождям зилотов, неоднократно указывает на их умеренность. Но страшной злобой проникнуты слова Кантакузина, когда он говорит о народе. Народ — крестьяне разграбили его имущество в городах и селах, захватили его земли. Народ в Константинополе и в Фессалонике совершал, по его словам, акты зверства.

Отношения между народными массами Фессалоники и зилотами не были одинаковы на всем протяжении событий. Вначале под влиянием повсеместных стихийных выступлений масс зилоты стали во главе движения. Во время измены Синадина зилоты при полной поддержке масс перехватили бюрократический аппарат из рук патрициата. Но это оказало неблагоприятное влияние на ход восстания. Едва ли верно думать, что чиновники из зилотов были лучше, чем чиновники из знати. Недостатки бюрократии имманентны ей и не зависят от социального происхождения чиновника. Основываясь на охлаждении народа к зилотам, летом 1345 г. правительственный наместник Фессалоники Иоанн Апокавк произвел переворот — убил вождя зилотов Михаила Палеолога, репрессировал

⁵² I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 205. 26—27.

⁵³ Ibid., p. 214. 6. 12.

⁵⁴ Ibid., p. 214.4.

⁵⁵ Ibid., p. 208.8.

⁵⁶ Ibid., p. 213. 28.

многих зилотов. Народные массы не оказали никакой поддержки зилотам. Иоанн Апокавк, став полновластным правителем, продолжал политику зилотов (по словам Кантакузина: «боясь отца»), был мягок к бедным, а богатых за «кантакузианство» обложил большой контрибуцией (согласно Кантакузину — чтобы отвести от себя подозрения и чтобы богатыми дарами смилостивить императрицу)⁵⁷. Но как только было получено известие об убийстве его отца в Константинополе, Иоанн созвал совещание знати (пригласив в том числе и Андрея Палеолога, председателя корпорации моряков) и предложил собравшимся перейти на сторону Кантакузина. На совещании никто, в том числе и Андрей Палеолог, не возражали, но через день (когда, вероятно, в Фессалонике стало известно о том, что народ в Константинополе расправился с убийцами) положение изменилось. Андрей Палеолог встал во главе народных масс, узнавших об измене Иоанна Апокавка. Военский отряд был распропагандирован и перешел на сторону зилотов. Народ устремился против знати, окружавшей Иоанна Апокавка. Зилоты уже не могли сдержать народной ярости — мятеж Апокавка был подавлен. Но народ снова полностью попал под руководство зилотов. К концу движения, в 1348 г., народные массы опять стали проявлять равнодушие к зилотам и не помешали Метохиту разгромить главные силы зилотов — корпорацию моряков, а затем передать город Кантакузину.

По-видимому, под «народом» следует понимать неорганизованное трудовое население города — наемных работников, массу одиночек ремесленников, мелких арендаторов подгородных участков, прибывших из деревень крестьян, челядь знати. К зилотам можно в первую очередь отнести организованное по корпорациям более обеспеченное население и торговцев. Из организованного населения особенно выделялась корпорация моряков⁵⁸. Трудно думать, что она состояла только из простых матросов. Следует предполагать, что ведущими в корпорации были навклиры, предприниматели — хозяева и капитаны кораблей, лодманы. В Фессалонике это была широкая прослойка более или менее состоятельного населения. Корабли того времени были мелкими (стоимость корабля по морскому праву определялась обычно только в пятьдесят номисм, в монастырских актах упоминаются также корабли небольшого водоизмещения).

Разумеется, сила корпорации заключалась в массе матросов, которые представляли собою наемную рабочую силу, привлекаемую к морской торговле.

К организованному населению можно причислить и строителей (корпорация τῶν οἰκοδόμων)⁵⁹. На основании 22-ой главы Книги Эпарха о строительных работниках⁶⁰ можно полагать, что наиболее влиятельными в этой коллегии были подрядчики (ἐργολάβοι), которые принимали подряды на строительные работы, нанимали рабочих — «технитов» и разных ремесленников, т. е. это были лица из прослойки предпринимателей. Возможно, в Фессалонике существовали и другие объединения предпри-

⁵⁷ Cantac., II, p. 572.

⁵⁸ Cantac., II, p. 575. См. также: Nomos Nautikos, Basilic., 53, III, 16. Корпорация моряков существовала издавна, первоначально как объединение навикуляриев, связанных повинностями по отношению к государству. При Юстиниане действовал закон, согласно которому в случае смерти навклира без завещания его имущество передавалось корпорации (Cod. Just., 6, 62, 1). Закон этот был включен в Василики (Basilic., 53, 1, 105) и ко времени выступления зилотов был действующим правом. Вполне возможно, что в таких редких случаях корпорация моряков представляла свои права.

⁵⁹ В Фессалонике существовала в XIV в. корпорация τῶν οἰκοδόμων (F. Dölger, Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1943, S. 306).

⁶⁰ Константин Арменопул полностью воспроизвел в «Шестикинижии» 22-ю главу Книги Эпарха.

нимателей и ремесленников⁶¹. Все эти организованные трудящиеся и предприниматели были основой того слоя населения, который выступил за централизованное правительство, за создание национального государства, за гражданские права, необходимые для товарного хозяйства, именно за то гражданское право, руководство по которому и составлял во время движения зилотов Арменопул. Для торгово-ремесленного населения централизованная бюрократическая монархия в период вызревания зарождающихся капиталистических элементов была приемлемее строя, основанного на иммунитетах. Бюрократизм, заключавшийся в формальном выполнении писаного законодательства, несмотря на все свои недостатки, все-таки являлся более прогрессивным, чем патриархальный произвол, безразлично, от кого он исходил, от сеньора-иммуниста или же от городской общины, возглавляемой патрициатом.

Зилоты отнюдь не выступали против централизованного управленческого и финансового бюрократического аппарата. В Фессалонике был достаточно многочисленным штат финансовых чиновников, сборщиков пошлин, составлявших описи имущества для налогообложения⁶². Эта прослойка была тесно связана с местной знатью и, естественно, следовала изгибам ее политики. Очень важно было обновить состав бюрократического аппарата, заменив его последовательными противниками Кантакузина и местного патрициата; поэтому зилоты стремились занять управленческие должности в Фессалонике, в чем их так обвинял Кантакузин.

Другими словами, вместо влияния крупноземлевладельческого городского патрициата управление городом переходило бюрократическому аппарату, должности в котором стали занимать не «благородные», а выходцы из торгово-ремесленной прослойки. Это было в духе «Шестикнижия» Арменопула, в котором не признавалось никаких преимуществ за правом рождения, «благородства»⁶³.

Нельзя оставить без внимания и общую характеристику зилотов Кантакузиным. Он считал, что зилоты боролись не с целью защитить молодого императора, а только для того, чтобы нажиться⁶⁴.

Таким образом, обогащение было основной целью той прослойки, которая стремилась заменить господство «благородных» господством торгово-предпринимательских кругов⁶⁵.

В советской историографии важную роль в движении приписывают крестьянству. Безусловно, выходцев из деревни всегда было много в византийских городах. Вокруг Фессалоники и других византийских городов расстилалась широкая полоса подгородных хозяйств, принадлежащих как городским обывателям⁶⁶, так и самостоятельным крестьянским хозяйствам. Именно эти подгородные хозяйства сильно пострадали во время осады Фессалоники. Крестьяне бежали в город, бросив свои

⁶¹ Были ли в Фессалонике другие корпорации? Константин Арменопул, писавший во время гражданской войны, совершенно не принял во внимание в «Шестикнижии» большинства уставов Книги Эпарха. Исключение составляют уставы ювелиров, хлебопеков, барышников по продаже лошадей (вофров), упомянутых уже строителей и глава о легатарии (главном надзирателе за торговлей). Можно предполагать, что Арменопул отобрал то, что было реальным в XIV в. для Фессалоники (*Constantinus Armenopolus. Manuale legum*, VI, XIV, 13; III, III, 40—43; III, III, 59; VI, XIV, 12, 16).

⁶² *Greg.*, I, p. 319.

⁶³ Не было никаких законов, говорит Фома Магистр, препятствующих неблагородным по рождению занимать высокие должности в городе (*PG*, t. 145, col. 529).

⁶⁴ *Cantac.*, II, p. 117.

⁶⁵ В «Диалоге» Макремволита «богатые» так говорят о себе: «Золото, разумеется, для нас наиболее желанное и для самих душ наиболее драгоценное и его приобретение и сохранение для нас особенно желанно и мы готовы (за золото) все претерпеть!» (*I. Sevcenko. Makrembolites...*, p. 215.7).

⁶⁶ Палама жаловался, что летом жители Фессалоники не посещали церквей, так как отправлялись за город в свои виноградники (*PG*, t. 151, col. 333).

участки. Естественно, эти крестьяне подгородного района были очень озлоблены и могли вносить некоторые компоненты «крестьянской войны» в городское движение.

Но нужно иметь в виду, что подгородные районы крупных городов были широко вовлечены в товарное хозяйство, и если говорить о крестьянском влиянии на движение в городах, то о влиянии именно таких крестьян, которые уже связывали свои интересы с условиями развития товарного обращения в стране⁶⁷. Иначе говоря, устремления этих крестьян были созвучны политическим целям торгово-ремесленных кругов.

В источниках о восстании зилотов совершенно не фигурируют парики, хотя и говорится о некотором участии в движении городских рабов из челяди патрициата.

Необходимо отметить и роль люмпенпролетариата, самого активного и самого плохого союзника прогрессивных классов и прослоек. Некоторые историки (в частности, Б. Т. Горянов), стремящиеся во что бы то ни стало приукрасить историю, идеализировать участников движения, не касаются роли люмпенпролетариата в движении. Между тем совершенно ясно, что в таком торговом городе, как Фессалоника, были все условия для формирования люмпенпролетарских масс⁶⁸.

Именно об участии этих люмпенов и говорится в источниках, когда рассказывается о том, как происходил грабёж домов сторонников Кантакузина в течение трех дней и трех ночей. Кантакузин признавал, что зилоты стремились успокоить народ, т. е. хотели прекратить этот неорганизованный погром.

Необходимо обратить, наконец, внимание на аристократические и интеллигентские прослойки в движении. Ни в коем случае нельзя упускать из виду тот факт, что во главе корпорации моряков, игравшей наиболее активную роль в движении, стояла семья Палеологов, Михаил и Андрей. Побочные ветви династии Палеологов обычно направлялись в Фессалонику, что делает догадку П. Лемерля о родстве фессалоникских Палеологов с константинопольскими вполне вероятной. Андрей Палеолог имел звание *ὁ ἐπὶ τῆς τραπεζῆς*⁶⁹.

К аристократам — вождям зилотов принадлежал Георгий Коккала, связанный родственными узами с людьми из окружения Иоанна Апокавка. А. П. Каждан считает (на основании жития св. Саввы), что вождями зилотов была молодежь, принадлежавшая к городской верхушке⁷⁰. Нельзя считать зилотов оформленной партией в современном смысле слова. Зилотами («ревнителями») называли всех, кто проявлял активность в движении⁷¹. Поэтому нельзя противопоставлять зилотам таких лиц, как митрополит Иакинф и Метохит.

Вопрос об интеллигентской прослойке в Фессалонике во время гражданской войны очень важен, так как может пролить свет на идеологическую сторону движения. Фессалоника в первой половине XIV в. была интеллектуальным центром Византии: все спорные течения — богословские и философские, все направления тогдашней гуманистической образованности концентрировались в Фессалонике.

Что касается воззрений интеллигенции, которая жила в Фессалонике во время гражданской войны, то не может быть никаких сомнений в харак-

⁶⁷ См. мою статью «Экономика пригородов византийских крупных городов». — ВВ, XI, 1956, стр. 81.

⁶⁸ См., например, PG, t. 145, col. 408 sq.

⁶⁹ S a n t a s., III, p. 104.

⁷⁰ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 195.

⁷¹ Слово *ζηλωτής* евангельское: *ζηλωταὶ τοῦ νόμου* — ревнители законности (Деян., 21, 20), *ζηλωταὶ τῶν πατρικῶν μὲν παραδόσεων* — ревнители отеческих преданий (Галат, 1, 14). В Ветхом Завете слово «ревнитель» соединено со словом «мститель» (Наум, 1, 2). При осаде Иерусалима «зилотами» называли непримиримых его защитников.

тере политических идеалов этой прослойки. Она стремилась к централизованной монархии. Фессалоникиец Константин Арменопул в своем «Шестикнижии» выбрал из гражданского римского права все, что было тогда приемлемо для создания такой монархии ⁷². Другой представитель интеллигенции Матвей Властарь ⁷³ в своей сводке канонического права высказывался за централизованную церковь, управляемую патриархом в соответствии с канонами и императорскими новеллами. Это тоже сторонник централизованного государства, рассуждающий, однако, лишь с точки зрения единства церковного управления.

Фома Магистр (монах Феодул) — поклонник греческой старины и античной культуры в политическом отношении был сторонником единой монархии, управляемой образованным государем, предоставлявшим гражданские права населению (городские привилегии). Он был автором двух трактатов «Об обязанностях монарха» — *περί βασιλείας* и «О правах и обязанностях граждан» — *περί πολιτείας* ⁷⁴. Если даже допустить, что эти трактаты сочинены до событий 1342—1349 гг., то во всяком случае Фома Магистр должен был быть авторитетнейшим лицом во время движения зилотов ⁷⁵.

Яркими представителями фессалоникинской интеллигенции, увлеченными славными преданиями прошлого, были и Димитрий Кидонис и Кавасила. Все они — сторонники создания сильного греческого государства. Но в вопросе о том, на чью сторону встать, на сторону Апокавка или Кантакузина — интеллигенция Фессалоники проявляла нерешительность. До 1345 г. Кидонис и Кавасила не были активными врагами Апокавка. Но после убийства Алексея Апокавка такие лица, как Кидонис и Кавасила, очевидно, решив, что положение его дела безнадежно, решительно перешли на сторону Кантакузина. Беспощадная расправа народа над той частью знати, которая открыто перешла на сторону Кантакузина, убийства и погромы навсегда дискредитировали движение фессалоникийцев в глазах представителей фессалоникинской интеллигенции. После занятия Фессалоники войсками Кантакузина в 1349 г. Арменопул, Властарь и Метохит также сблизились с Кантакузином.

Фессалоникиская интеллигенция — образованные богословы, философы, юристы, астрономы, врачи — занимали видное положение в обществе, вращались среди представителей высшей знати города; в силу этого социальные воззрения интеллигентов того времени не могли быть демократическими ⁷⁶, хотя они часто говорили о страданиях народных масс, об ужасах ростовщичества ⁷⁷.

Нельзя себе представить интеллигенцию Фессалоники времен гражданской войны безразличной к идеологическим спорам по догматическим вопросам; в этих спорах в сущности решались судьбы византийского

⁷² Σ Σακελᾶ ἀριδῆς. Περὶ τοῦ ἐν Θεσσαλονικῇ νομοφύλακος καὶ κριτοῦ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Βίος καὶ ἐργα. Ἀθήναι, 1960

⁷³ В русск. пер. В л а с т а р ь М а т в е й. Собрание святоотеческих правил. Балахна, 1908.

⁷⁴ PG, t. 145.

⁷⁵ Акиндин в своем письме (R. I. L o e n e r t z. Dix-huit lettres de Grégoire Akyndine — «Orientalia Christiana Periodica», XXIII, 1957, 106, 157), датированном 1343—1344 гг., упоминает о «чудеснейшем Магистре» (ο θαυμάσιος Μάγιστρος) (J. M e y e n d o r f f. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 124).

⁷⁶ Византийская интеллигенция не могла допустить и мысли о возможности власти простого народа — ремесленников и мелких торговцев. В этом отношении среди интеллигенции не было разногласий: как Григора резко выступал против власти «толпы» (οὐλοῖ), так и его противник Палама ему вторил в своей речи, обращенной к фессалоникийцам. Фома Магистр считал, что власть должна принадлежать только «лучшим и богатым» (PG, t. 145, col. 524).

⁷⁷ Помимо указанного выше «Диалога» Макремволита, можно указать на трактат Кавасилы о вреде взимания процента (R. G i l l a n d. Etudes byzantines Paris, 1959, p. 81—88).

гуманизма. Сохранилась часть переписки деятелей того времени, которая позволяет сделать вывод, что в период борьбы основная масса интеллигенции стояла на позициях антипаламитов — противников исихазма. Противниками паламитов были Константин Арменопул⁷⁸, Матфей Властарь⁷⁹, Фома Магистр⁸⁰, Димитрий Кидонис.

Догматические взгляды интеллигенции были неустойчивы. Когда Кантакузин окончательно победил, и Арменопул и Властарь полностью перешли на позиции паламизма⁸¹. Наиболее прямолинейным и последовательным противником Паламы, правильно понимавшим всю гибельность для византийского гуманизма проповеди исихазма, был Никифор Григора, однако он не принадлежал к фессалоникским кругам.

Итак, мы можем констатировать, что идеологические симпатии той интеллигенции, которая не была враждебной фессалоникским зилотам, вполне определены: централизованное государство, превознесение античной греческой культуры и грекоримского права и гуманизм. Именно это и было позитивной стороной идеологии движения в Фессалонике.

Обратимся к вопросу об отношениях зилотов к церкви. Мы, конечно, не можем принять положение о стремлении к «дешевой церкви»⁸². Неправоммерно усматривать в восстании зилотов в Фессалонике XIV в. явления, характерные для движений в немецких городах XVI в. Следует, однако, предположить, что в среде зилотов могли находиться отдельные богомилы, готовые заменить социально-политическую борьбу религиозной шумихой. Несомненно, эти богомилы (которые уже ни в чем не походили на богомилов прежних веков, а были мистиками, призывавшими к отходу от мирских вопросов, подобно исихастам) пытались бы бороться против церковной обрядности, что внесло бы только разлад в движение. Кантакузин сообщает о надругательстве некоторых зилотов над иконами. Против них выступил народ и перебил нескольких богомильствующих зилотов⁸³. Известно, что богомилы не признавали креста. Зилоты же, чтобы доказать, что защитники Фессалоники сражаются как православные, сделали своим боевым знаменем крест!⁸⁴

До 1347 г. фессалоникская церковь находилась в полном подчинении у константинопольского патриарха. С февраля 1334 г. до 2 февраля 1347 г. византийскую церковь возглавлял энергичный патриарх Иоанн XIV Калека. В отличие от других патриархов, он не был монахом⁸⁵ (III, 36). Калека был рьяным врагом Кантакузина и сторонником строгой центра-

⁷⁸ Из переписки Акиндина явствует, что Арменопул выступал против Паламы. В 1346 г. он опубликовал трактат, в котором обвинял обе стороны — и Паламу и Акиндина в политизме, отмежевываясь от обеих борющихся богословов (J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 124). Известен резкий антипаламитский «томос» (PG, t. 150). В рукописи нет имени автора, но Николай Комнин, издатель XVII в., приписал «томос» Арменопулу. Поскольку мы знаем, что Арменопул выступал против Паламы, авторство Арменопула вполне возможно.

⁷⁹ В письме, относящемся к 1343—1344 гг., в число фессалоникских антипаламитов Акиндин включал и Матфея Властаря (J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 124, 137).

⁸⁰ К антипаламитам в 1343—1344 гг. Акиндин относил и Фому Магистра (R. L o e n e r t z. Op. cit., p. 95 sq; J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 124, 139). Акиндин спрашивал в письме, почему Фома Магистр замолчал и не выступает против Паламы (J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 124).

⁸¹ Арменопул в 1350 г. сочинил энкомий в честь св. Димитрия. Высказанные им там взгляды уже приближались к исихазму (Ваз. Λαοὺρδα. Ἐγκώμια εἰς τὸν ἁγίον Διμήτριον κατὰ τὸν δέκατον τέταρτον αἰῶνα. — ЕЕВЭ, 24, 1954, сел. 283). Властарь выступил после 1347 г. с трактатом о благодати в духе Паламы (J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 413). Фома Магистр уже в 1345 г. прекратил нападки на Паламу.

⁸² См. А. П. К а ж д а н. Указ. соч., стр. 192; Б. Т. Г о р я н о в. Указ. соч., стр. 332.

⁸³ S a n t a c., II, p. 571.

⁸⁴ Ibid., p. 234.

⁸⁵ Ibid., p. 218.

лизации церкви в государстве. Он имел колоссальное влияние на государственные дела: вокруг него сплотились члены синклита ⁸⁶.

В 1342 г., после приема в столице делегации афонских монахов, стремившейся к примирению враждующих сторон, патриарх Иоанн назначил врага Кантакузина Макария митрополитом в Фессалонику; Макарий активно участвовал в политике. Когда разбитый Кантакузин бежал к сербам, Макарий отправился к нему, чтобы убедить Кантакузина прекратить сопротивление и сдаться ⁸⁷. Но Макарий не был сторонником активной борьбы против Паламы, и потому можно думать, что ни патриарх, ни зилоты не были им довольны.

После убийства Алексея Апокавка 11 июня 1345 г. среди знати Константинополя наступило некоторое замешательство. Зато патриарх Иоанн Калека стал проявлять особенную активность; фактически гражданскую войну после Апокавка возглавлял на стороне Палеологов именно патриарх.

После смерти (?) Макария (в источниках неясно, каким образом освободилась митрополичья кафедра) патриарх провел выборы нового митрополита Фессалоники, которым стал рьяный противник паламитов Иакинф, киприот, фанатичный монах монастыря Одигитры. Он был избран против воли императрицы, которая не желала обострять положение ⁸⁸.

Иакинф развил лихорадочную деятельность против исихастов и сторонников Паламы. Он был одним из наиболее решительных вождей зилотов. Деятельность Иакинфа вполне соответствовала тому периоду политики террора, которая явилась естественной реакцией на убийство Алексея Апокавка в Константинополе и измену Иоанна Апокавка и части фессалоникской знати.

Политический террор соединился с религиозными гонениями. Филофей (паламит) писал в своей «Похвале Паламе», что Иакинф начал преследовать в Фессалонике епископов, «благочестивых лиц», монахов ⁸⁹. Акиндин сообщал Фоме Магистру, что первой и важнейшей задачей Иакинфа было с корнем вырвать из его паствы паламитство, как развившуюся болезнь ⁹⁰.

Однако в середине 1346 г. Иакинф внезапно умер. Э. Вернер не прав, полагая, что зилоты после смерти Иакинфа вообще отказывались принять нового митрополита по политическим причинам ⁹¹. Кафедра оставалась пустующей потому, что патриарх не мог согласовать кандидата с императрицей. Несомненно, что в течение всего движения фессалоникская церковь не порывала с константинопольской патриархией и придерживалась именно той политики, которая проводилась патриархом Иоанном XIV.

После многочисленных неудач императрица Анна Савойская стала относиться с недоверием к Иоанну Калеке. Она решила, что, помирившись с Паламой, получит большую возможность противостоять Кантакузину. В начале 1347 г. в Константинополе был созван собор, на котором 2 февраля низложили патриарха ⁹². Однако с уходом патриарха императрица потеряла последнюю опору: через день Кантакузин вступил со своими войсками в Константинополь, и Анна Савойская была вынуждена капитулировать. Но собор 1347 г. был опротестован рядом епископов как незаконный. Не признали его решений и в Фессалонике, где кафедра митрополита оставалась вакантной.

⁸⁶ Ibid., p. 18—19.

⁸⁷ Cantac., II, p. 306—309; Tomos 1347, § 6, 141—144; J. Meyendorff. Le Tome synodal de 1347.—ЗРВИ, VIII, 1963, стр. 215.

⁸⁸ П. Успенский. История Афона, III. СПб., 1892, стр. 178.

⁸⁹ PG., t. 151, col. 611—612.

⁹⁰ R. Loenertz. Dix-huit Lettres, p. 97; J. Meyendorff. Op. cit., p. 116, n. 98.

⁹¹ Э. Вернер. Указ. соч., стр. 189.

⁹² G. T. Dennis. The Deposition of the Patriarch John Calecas.—«Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», 9, 1960, S. 51—55.

После низложения Иоанна митрополитом в Фессалонику был направлен Палама, что было вызовом тем кругам, которые выступали против исихастов. Фессалоникийцы не приняли Паламу, поскольку не признавали законности собора, низложившего Иоанна Калеку⁹³.

Обратимся к вопросу о мнимой «независимости» города Фессалоники во время гражданской войны. Разумеется, во времена феодальной раздробленности каждый город и каждое поместье в известной степени были независимыми. Но если говорить об отношениях Фессалоники с Константинополем, то во всяком случае следует сказать о ясно выраженной вплоть до окончательной победы Кантакузина полной лояльности города к правительству Апокавка и Иоанна Калеки. При этом безразлично, кто имел в Фессалонике больше влияния, Михаил Палеолог или Иоанн Апокавок, так как оба они до середины 1345 г. проводили политику Алексея Апокавка. Военные действия фессалоникского городского ополчения велись в координации с военными действиями Алексея Апокавка против Кантакузина и против турок.

Фессалоникийцы дважды подавили с большой жестокостью мятежи некоторой части городской знати: в 1343 г. мятеж Синадина, в 1345 г. — Иоанна Апокавка. Впрочем, это характерно не только для Фессалоники. В Константинополе с подобной же жестокостью народные массы расправились с убийцами Алексея Апокавка в 1345 г. Не было никакой разницы и в методах преследования мятежной знати — конфискация владений мятежников и передача этих владений сторонникам правительства была обычной для того времени мерой. Нет никаких оснований видеть в подобных конфискациях «социальные реформы».

Смятение в Фессалонике наступило после захвата Кантакузином Константинополя в феврале 1347 г., когда «мятежник» Кантакузин был признан в Константинополе «законным императором». Фессалоника решила продолжать сопротивление и после февраля 1347 г., не признавая поражения Иоанна Палеолога. Можно думать, что фессалоникийцы считали победу Кантакузина непрочной и временной. Против низложения патриарха Иоанна Калеки выступило много иерархов⁹⁴, которые в июле 1347 г. опубликовали «Томос», предавший проклятию Паламу и нового патриарха Исидора⁹⁵.

Кроме того, фессалоникийцы знали, что наиболее верный союзник Кантакузина Умур-паша не может более оказывать ему солидную помощь, так как втянулся в войну с крестоносцами под Смирной, находящейся в руках латинян. Там Умур и погиб. Это, конечно, давало возможность надеяться на изменение ситуации в Константинополе. Конечно, ни для кого не было секретом, что молодой император Иоанн V тяготеет своим тестем — полновластным Кантакузином.

Кроме того, постоянные успехи Душана и его заигрывания с греческим населением завоеванных им городов толкали некоторых вождей

⁹³ Имеется сообщение Филофея о том, что фессалоникийцы через некоторое время согласились принять Паламу в качестве митрополита, но выдвинули условие, чтобы он в церкви не поминал ни одного императора (PG, t. 151, col. 616). Мейендорф (J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 138) считает это сообщение невероятным. Можно, однако, допустить, что некоторая часть зилотов, готовя передачу Фессалоники сербам, имела в виду такое условие как подготовительную меру. Не исключена возможность и того, что среди фессалоникского населения после победы Кантакузина появилась мысль о возможности независимого существования города по примеру итальянских городов. Но Нпл (PG, t. 151, col. 672) в своем «Евкомии Паламе» утверждал, что фессалоникийцы требовали не упоминать в качестве императора только Кантакузина, т. е. продолжали борьбу против него. Вероятно, в среде фессалоникийцев были разногласия в вопросе об отношении к Паламе — чувствуется, что после февраля 1347 г. движение шло в значительной мере на спад и деградировало.]

⁹⁴ J. Me y e n d o r f f. Op. cit., p. 132.

⁹⁵ Ibid., p. 134.

зилотов на союз с сербами, занявшими к тому времени Афон. Можно полагать, что вожди зилотов не исключали возможности создания сильной империи с сербской династией во главе, тем более, что проникновение византийских порядков при дворе Душана проходило чрезвычайно быстро, а его законодательство не содержало стеснений для развития товарного производства и обращения.

Однако именно эти связи с сербами и оттолкнули от вождей зилотов фессалоникское население. Метохит выступил против вождя зилотов, Андрея Палеолога, обвиняя его в измене. Толпа разгромила приморский район Фессалоники, центр корпорации моряков. Можно, конечно предположить, что эта толпа состояла из люмпенпролетариев. Но весьма знаменательно то обстоятельство, что народные массы не поднялись на защиту моряков. Это свидетельствует об изменении отношения населения Фессалоники к зилотам.

Андрей Палеолог бежал на Афон (св. Гора находилась тогда под властью Стефана Душана). Моряки почти не оказали никакого сопротивления. Разгром корпорации моряков, наиболее активных участников движения зилотов, был бескровным: ни один человек не был убит. Но некоторые дома видных моряков были разрушены ⁹⁶.

Разгром корпорации моряков был началом конца сопротивления фессалоникийцев Кантакузину. Зилоты были ослаблены. Они еще некоторое время выжидали. Движение после победы Кантакузина стало локальным и не имело никаких шансов на успех. Метохит, а с ним и прочие (в том числе Арменопул и Властарь) перешли на сторону Кантакузина. Метохит сдал город Кантакузину. Сторонники движения, ставившие высокие цели борьбы за единственно возможный путь спасения Византии — ликвидацию феодальной раздробленности, потерпели поражение, несмотря на подлинный героизм в битвах с войсками влиятельных феодальных магнатов и подавляющими силами турок. Последующие движения уже не носили столь прогрессивного характера.

Необходимо теперь остановиться на причинах поражения движения за переход Византии от стадии феодальной раздробленности к стадии создания национального централизованного государства.

Основную причину поражения выступления зилотов и населения Фессалоники нужно усматривать, на наш взгляд, в обстоятельствах конца гражданской войны. Выступления горожан против господства феодальных магнатов в условиях слабости элементов раннего капитализма могли иметь успех только в том случае, если они опирались на силу централизованного правительства.

«Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы феодального порядка — в королевской власти», — писал Ф. Энгельс ⁹⁷. С 3 февраля 1347 г. константинопольское правительство перестало оказывать поддержку Фессалонике — и судьба выступления зилотов была решена. Началась агония, движение продолжалось лишь по инерции, надежды на успех исчезли.

Таким образом, вопрос о причинах поражения движения зилотов упирается в проблему поражения константинопольского правительства в гражданской войне в целом. В первую очередь здесь нужно учитывать беззастенчивое национальное предательство клики феодалов, стоявших за Кантакузина, которые, стремясь уйти от поражения, сознательно предо-

---

⁹⁶ С а н т а с., III, р. 109. Разрушение домов политических противников (и неизбежно связанный с этим грабёж) было обычным и в Византии и в Италии. Это мероприятие нельзя рассматривать иначе, как способ привлечения на свою сторону люмпенпролетарских масс.

⁹⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 409.

ставили туркам возможность разгромить все хозяйство Византии. Григора сообщает, что Кантакузин, призывая турок, сказал: «Если не я буду править, то пусть не правит и он! (Иоанн V.— М. С.). Пусть вообще не над кем будет править!»⁹⁸.

Поскольку в Византии почти не было национальной армии, призванные Кантакузином турки (в огромном для того времени числе — свыше 30 000) почти беспрепятственно уничтожали все на своем пути, отправляя в рабство захваченное население⁹⁹.

Клика феодалов, разумеется, от этого выиграла: горожанам, выступавшим за укрепление власти центрального правительства, не удалось вызвать против феодалов общенародного движения. Деревня была подавлена прежде, чем крестьянству удалось от частичных погромов феодальных поместий перейти к общему крестьянскому восстанию.

В зарубежной и в советской литературе явно недооценивается роль интервенции в поражении движения. Нам представляется, что именно интервенция турок и сербов явилась главной причиной неудачи прогрессивных сил в гражданской войне 1342—1349 гг. Примеров разгрома прогрессивных движений с помощью интервенции в истории немало.

Передовые круги Византии недостаточно отчетливо поняли весь вред мрачной идеологии паламитов, которые своей мистикой отравляли сознание масс и отвлекали их от борьбы; правительство Апокавка также слабо поддерживало гуманистическое направление в церковной борьбе против паламизма.

Нельзя недооценивать также значение такого фактора, как отсутствие организованности и планомерности в борьбе прогрессивных сил против феодалов. Не было попыток проведения каких бы то ни было реформ. Не была осуществлена секуляризация монастырских владений. Когда потом, во второй половине столетия, правительство стало проводить секуляризацию, было уже поздно: положение Византии стало безнадежным.

Движение, кроме того было дискредитировано применением традиционных методов междоусобной борьбы — погромы, разрушение домов противников, грабежи. Зилоты не приложили достаточно сил к обузданию люмпенпролетариата¹⁰⁰.

Ф. Энгельс пишет по поводу участия люмпенпролетариата в народных движениях: «*Люмпен-пролетариат*, представляющий собой отбросы из деморализованных элементов всех классов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, является наихудшим из всех возможных союзников... Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах... «Смерть вора»..., то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды»¹⁰¹.

Нужно считаться, наконец, и с естественными для классового общества фактами разложения в среде вождей прогрессивных движений. Не следует идеализировать вождей зилотов. Кантакузин пишет, что

⁹⁸ G r e g., III, p. 181: εἰ μὴ γὰρ ἐμὲ, — ἀλλ' οὖν μὴτ' αὐτὸν βασιλεῦσιν, — μὴδ' οἷς βασιλεῦσθαὶ τοῦ λοιποῦ γυῖων εἶναι.

⁹⁹ Естественно, и Апокавок стремился использовать противоречия между Умурпашой и Урханом и заручился помощью турок-османов. Он даже разрешил туркам продавать на невольничьем рынке греческих пленников из войск Кантакузина. Однако Урхан не был настолько недалек, чтобы оказывать существенную помощь центральному византийскому правительству: он заключил союз с Кантакузином, взяв в жены его дочь.

¹⁰⁰ Андрей Палеолог, сообщает Кантакузин, пытался принять меры к прекращению грабежей и погромов (C a n t a c., II, p. 573).

¹⁰¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 16, стр. 418.

многие из них за счет ограбления знати «из беднейших и презираемых стали богатыми и почтенными»¹⁰².

Разложение среди зилотов, нужно думать, постепенно широко распространилось, и вполне понятно, почему в конце движения народные массы не поддержали Андрея Палеолога и моряков, когда толпа стала грабить их дома точно так же, как раньше грабила дома динатов.

Согласно Б. Т. Горянову, острая борьба, начатая в 40-х гг. XIV в., кончилась совместной гибелью борющихся классов, так как немногим более столетия спустя оба класса погибли под развалинами Византии, захваченной турецкими завоевателями. Мы, однако, не считаем возможным в данном случае говорить о совместной гибели борющихся классов после восстания зилотов. Ни тот, ни другой класс не погибли. И торгово-ростовщическая, и землевладельческая знать, и крестьянство пережили падение Византии: крестьянство и торгово-ростовщическая прослойка сохранили язык и религию, тогда как землевладельческая знать исламизировалась. Византия погибла не потому, что происходила ожесточенная классовая борьба, а потому, что прогрессивные силы Византии оказались слишком слабыми, чтобы вывести страну из стадии феодальной раздробленности в то время, когда рядом с Византией и за ее счет формировалась Турецкая империя — «подлинная военная держава средневековья»¹⁰³.

---

¹⁰² С а н т а с., II, р. 235.

¹⁰³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, 1939, стр. 189.